

НАИВНАЯ ФИЛОСОФИЯ В ЛИЧНЫХ ПИСЬМАХ ДЕРЕВЕНСКОГО ЧЕЛОВЕКА¹

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА СВАЛОВА

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет:
Российская Федерация, 614045, г. Пермь, ул. Сибирская, 24)

***Аннотация.** В статье на материале писем пожилых деревенских жителей исследуются наивные представления носителя традиционной культуры о судьбе, жизни, смерти и времени. По языковым данным выявляются общие закономерности наивно-философской рефлексии, чаще всего связанные с такими смысловыми блоками, как фиксация повседневного опыта (хозяйственная деятельность и быт, жизненные события); осмысление Бога, греха и праведности; описание своего душевного, физического и психического состояния. Описывается направленность эмоциональных переживаний авторов и выражающая их символика, прослеживаются индивидуальные особенности символизма и стиля разных авторов. При анализе языковых форм передачи экзистенциальных смыслов и наивно-философских суждений рассматривается образно-символическое представление ключевых смысложизненных понятий (судьба, смиренность в приятии не подконтрольной человеку жизни; дом, родина). Выдвигается предположение о том, что личные письма носителей народной традиции содержат ценный языковой материал для уточнения особенностей диалектной картины мира и особенностей мировосприятия носителя традиционной культуры, для осмысления глубинного народного экзистенциального опыта. Обращение носителей традиции к письму, письменной речи в значительной степени позволяет авторам связывать друг с другом разнородный жизненный материал и отдельные переживания, придавая им общий порядок и смысл.*

***Ключевые слова:** наивная философия, диалектная картина мира, образное представление экзистенции, времени и пространства.*

Народные письменные тексты изучались преимущественно по текстам «наивной литературы» и дневниковым записям (значимые в контексте нашей работы статьи — [Дневник М. П. Суловой 2007; Качинская 2016; Королёва 2016; Русина 2000, 2002а, 2002б; Разумова 2001]). Исследователи рассматривают особенности стиля, гендерные характеристики

таких текстов, их социокультурное содержание, направленность на создание авторами с их помощью пространства личной свободы. Жанр деревенского письма, автор которого является носителем традиционной культуры, реже попадает в поле зрения исследователей. Между тем, практически исчезнувший в городах жанр ещё жив в современной деревне.

¹ Исследование проведено в рамках проекта РФФИ №18-412-590002 р_а «Похоронно-поминальная обрядность в русской традиции Северного и Южного Прикамья».

«Деревенское письмо» зачастую пишется от одиночества, при желании выговориться, «излить душу», поразмышлять. Создание письма, в отличие от разговоров по телефону, предполагает особый настрой и погружённость в себя, что позволяет автору осмыслить свой жизненный опыт. Личные письма, которые мы рассматриваем, в разное время (с 2010 по 2016 г.) были адресованы деревенскими жителями автору настоящей статьи. По характеру они являются дружескими, несмотря на редкое общение адресата и адресанта, возрастные и иные различия (годы рождения авторов — с 1926 по 1940 г.). По сути, большая часть анализируемого языкового материала является живой устной речью, перенесённой на бумагу («ну как накорябал не суди»² — Рекутина, 11.01.11). Хотя в ряде случаев отмечается влияние строя письменной речи: «Извините меня, что надолго задержалась с ответом» (Паршакова, 18.09.10), «с ответом очень долго задержалась...» (Максимова, 27.10.12).

Формальная организация писем, лингвистические особенности, а самое главное, содержание позволяют отнести такие тексты к «наивным». По мнению Л. В. Вавиловой, «образцы наивного письма свидетельствуют, что пишущий обладает цельной картиной мира, специфической и неповторимой для каждой личности (за редким исключением, может быть), демонстрируют мировоззрение как комплекс представлений о жизни» [Вавилова 2005: 173]. С. В. Борисов, подробно рассматривая проблему наивного философствования, определяет наивность как «естественность» (в противовес искусственности), непосредственность, считает наивное философствование формой познавательной деятельности, которая «не выходит за грани обыденно-практического знания и мифического сознания, но держит в себе рефлексивные, экзистенциальные и критические компоненты» [Борисов 2007: 30]. Подтверждением установки наших авторов на рассуждение о сущности вещей, о смыслах поступков и событий может служить фраза из начала одного письма: «Благодарна Вам, что вы меня не забываете и надпоминаете о жизни и одиночестве» (Паршакова,

13.12.07). Пишущий выражает благодарность за полученное письмо, оценивая его как напоминание, побудившее его думать о том, что где-то есть жизнь. Это напоминание позволило автору преодолеть свою изолированность, и, в том числе, сосредоточением на самом себе, на своих ощущениях; одиночество им уже не воспринимается столь негативно (для незаурядной личности это способ познать себя и глубинную суть жизни. Ср. замечание Н. С. Поздеевой: «Слово “один” лишается отрицательной коннотации в случаях, когда речь идёт о человеке, обладающем исключительными качествами» [Поздеева 2011: 96]).

В исследуемых нами письмах можно выделить разные блоки информации: сведения о родных и близких, деревенские новости, описание быта и повседневных занятий; сообщение о своём физическом и душевном состоянии; мысли, рассуждения о жизни и смерти, Боге, грехе и праведности, судьбе, времени. Темы в письмах обычно не обособлены, описание внутреннего состояния автора, повседневной жизни переплетаются: «...вот очень я болею, а наверно, больше я болею за переживание, вот уже скоро 2 месяца, а я ещё неперестала плакать из-за Сёмочки. Ведь Сёмочка [кот — Е. Н.] умер 22 сентября и я вот всё ещё не могу найти себе место, да вот ещё сейчас опять, вот сейчас участникам трудового фронта ставят зубы бесплатно и вот мне бы надо поставить, но я очень боюсь дёргать корни и вот опять очень переживаю и только одни переживания и больше ничего хорошего. и погода то нынче совсем с ума сошла всё лето были дожди, а осень совсем чокнулась, не то проливные дожди, не то снег и опять тает, только то и смотри в подполье придёт вода» (Власова, 04.10.12). В приведённом фрагменте в динамике выражено состояние автора: «я болею за переживание — не могу найти себе место — я очень боюсь — очень переживаю — одни переживания — ничего хорошего». О нарастании беспокойства и тоски говорит обилие повторов: переживание / переживаю, очень болею, очень боюсь, использование отрицания для усиления эмоциональности и выражения душевного упадка: неперестала (плакать), не могу

² Извлечения из писем приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригиналов.

(найти себе место), ничего (хорошего), не то проливные дожди, не то снег, одни переживания и больше ничего хорошего. Подчёркивает состояние автора образно-негативная характеристика времени года и погоды в олицетворениях чокнулась погода, совсем с ума сошла осень. В последующих гиперболически заострённых фразах о смерти любимого животного переживание достигнет высшей степени (Сёмочка унёс у меня пол жизни; я пишу и плачу без божно о Сёмочке).

В числе повседневных занятий в письмах описываются хозяйственные и домашние работы, поход за грибами или ягодами, поездка в город и т. д. Зачастую дела просто перечисляются, писания фрагментарны, но в отдельных случаях могут детализироваться: *«Загрибами поход закончился грибы замёрзли земля замёрзла и выходить нистали Много было маслят больших и мелких говорят что белых много было но я видяла сосочоту потому что я далеко нихожу боюсь кабы ни потерятья Вобщем посушила и посолила 2 банки 3х литровые волнушки и беянки немножко рыжичков рыжик по рыжику грудила, грузди только 2 груздя нашла такие хороише белые никто ниповредил после них сильно искала где они должны были выти а после заморозило»* (Харина, 24.10.10). Азартная охота за грибами и их заготовка переживается автором не как хозяйственное занятие, а как краткий миг счастья и радости, особенно остро осознаваемый старым и больным человеком.

Лейтмотивом рассматриваемых писем можно считать замечание *«...вот очень я болею»*. Сообщения о болезнях обычно лишь констатируют ухудшение здоровья и лишены отчаяния: *«Катя я стала тоже плохая голову кружит хожу с палкой Но до этого году я неходила с палкой»* (Рекутина, 12.01.10), *«мне хвалится нечем здоровые висит но волоске живу одна на таблетках прошлую зиму прожила у детей в соликамск и в эту зиму придётся опять уехать зимой будет ещё труднее»* (Паршакова, 10.10.14). Болезни и слабости воспринимаются как неизбежность, хотя способность сохранять в нынешнем своём положении физическую и интеллектуальную дееспособность постоянно подчёркивается: *«А сейчас можно жить здоровье поддерживаю таблетками, мас-сажом»* (Паршакова, 13.12.07), *«хотя*

плохо зодорвьем нога подкачала, но все овощи сготовила сама кортошку убрали дети много закатала банок. ещё в добавок закупила фруктов для закатки. детям от дала» (Паршакова, 02.10.10). *«Не много стало получше хотя и плохо но пишу. ну что поделаешь, старость не радость а одно мучение»* (Рекутина, 13.02.10).

Воспоминания о молодости и рассуждения о старости — главная смысловая сторона писем. Молодость — это не только время, когда человек физически силен и активен, это ещё и время возможностей: *«...это мои внуки и внучка Алёна. жили в Москве. И что их подтолкнуло у[е]хали в С.Ш.А. весной. я очень за них переживаю такое время тревожное а они от нас в дали. Где точка мирового раздора, разгорается, это Америка. зять настырный он задумал выучил язык, но вроде не жалуются на жизнь, а может и скрывают, это не верится чтоб жить в такой дали чужой народ язык обычаи ко всему надо привыкнуть. дело ихнее и молодое всё надо в жизни попробовать»* (Паршакова, 10.10.2014). Для пожилого деревенского человека другая страна — чужое во всех отношениях пространство (*чужой народ*), опасное место (*где точка мирового раздора разгорается*). Заключение, в котором соединяются выражения *дело молодое* (оборот, указывающий на собственное молодым желание рискнуть) и *в жизни надо всё попробовать* (фраза, также часто оправдывающая риск), не устраняет авторского недоумения и непонимания современной жизни (*и что их подтолкнуло*), настроение автора остаётся тревожным (*я очень за них переживаю, время тревожное*. Ср. в другом тексте: *внаше тяжёлое время люди нужны мужественные* (Паршакова, 02.10.10)).

Д. Н. Галимова в качестве одной из ключевых характеристик диалектной картины мира приводит такое свойство жизни, как её неконтролируемость [Галимова 2010]. Ссылаясь на Вежбицкую, автор определяет неконтролируемость как «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, ...как контролёра событий» [Вежбицкая 1996: 33–34].

Для авторов писем таким «контролёром» становятся годы, напоминающие о приближении смерти: «...своили к хирургу на приём, а что он мне подскажет или посоветует, старому человеку, каждый врач скажет в глаза вам уже годы» (Паршакова, 18.09.10). Неслучайно авторы фиксируют внимание на своём возрасте: «26 марта мне исполнится 85 не знаю доживу нет» (Рекутина, 11.01.11); «а мне 26 марта вот исполнилось 90 лет, стала я худая и хожу с палочкой тихонько но сама себя обеспечиваю, хлеб покупаю сама не пеку, печку топлю дрова есть купила на зиму, вода есть» (Рекутина, 23.06.16); «был юбилей 80 лет в клубе справляли нынче 81 зачем вот если доживу до 85 лет низдохну буду своём уме то справим ещё месте с детьми» (Харина, 24.10.10). При этом обычно они выражают примирение со своим статусом: «за ягодами и грибами не ходила, ноги изменили свой ход. Ягоды были вогороде, а загрибами ходила раз 5. я их не употребляю не принимает организм» (Паршакова, 13.12.07). Смерть как главная пугающая проблема воспринимается в её неизбежности, со смирением, жизнь оценивается как «доживание»: «Не знаю, как я зиму перезимую, доживу ли до лета, а может доживу, пока сердце не беспокоит» (Максимова, 27.10.12), «думала летом или осенью помру больше не поеду [к детям в Соликамск — Е. Н.] опять пока жива» (Паршакова, 10.10.2014), «...в огороде всё убрали много лукаросло чеснока много вчера пять высадила зимний чеснок доживу ли до уборки» (Паршакова, 01.10.12). «Человек, чьи “года уже вышли”, воспринимает своё состояние как закономерный период подготовки к переходу в иной мир» [Панченко 2005]: «Мне уже много лет надеятся на будущее нечего было-бы здоровье. да хватит жить каждому человеку приходит конец. Каждому дано время» (Паршакова, 10.10.2014). Незнание времени смерти также не пугает: «Не знаю, когда то мы в жизни ещё встретимся или нет, конечно не знаю сколько я ещё буду жить, может скоро умру а может 100 лет буду жить, но мне бы с вами охота повидаться» (Власова, 04.10.12). Несмотря на то, что человек морально готов к смерти, мысли о ней всё-таки сопряжены со страхом: «Досвидания дорогие друзья, когда-то дети напишут нет нашей мамы. Ушла в иной мир.

думать жутко и больно уходить от родных и знакомых» (Паршакова, 25.01.11). При этом избегание прямого названия смерти, использование эвфемических номинаций (нет нашей мамы, ушла в иной мир) как бы лишает смерть физиологичности и «заурядности», придаёт ей некую торжественность и статус сакральности. Страх перед смертью снимает просьба готовящегося к смерти о прощении, которое понимается как очищение и раскаяние, избавление от грехов: «Остаюсь очень больная без сильная Что случится не поминайте лихом» (Пикулева, 02.11.11); «ну Катюша маковица прости меня старуху за всё, что не годное, пишу всяко...» (Рекутина, 19.09.11).

А. Панченко отмечает, что «в русской традиционной культуре образ старости ассоциируется, с одной стороны, с социальной и физической неполноценностью, утратой статуса полноправного взрослого человека, а с другой — с особыми знаниями и навыками религиозного и магического характера» [Панченко 2005]. В письмах «религиозная линия» (всё, что касается Бога, понимания праведности и греха, судьбы) представлена в зависимости от «уровня религиозности» автора. Охранителем от всего плохого выступает Бог в благопожеланиях: «Катенька пусть Вас хранит Господь во всех ваших путях дорогах (Рекутина, 12.01.10); я вам желаю продолжать жить тем же духом. Очень хорошие вы люди. Храни вас господь» (Еленец, 09.08.11). Любопытный пример осмысления первой встречи автора письма с фольклористом-адресатом представлен в следующем фрагменте: «Сегодня я пишу в день Ивана посного. А когда [вы] были это был день Ивано купало. так совпало» (Паршакова, 10.09.10). Так автор подчёркивает особую значимость переписки, придаёт встрече и знакомству высокий религиозно-мистический смысл.

А. К. Погребняк, говоря об особенностях народной интерпретации Бога, подчёркивает: «Приоритет материального над духовным, конкретного над абстрактным ... привёл к “овеществлению” Бога: Он становится активным участником жизни человека, частью его быта, что выражается глаголами действия — “даёт”, “посылает”, “приносит”, “ходит”, “кормит”» [Погребняк 2005]. В этом ключе оформлены суждения типа

«картошка была хорошая, лук тоже и капуста такая-же всё выросло. Хвалить можно бога, вырастил всё» (Ромашова, 22.10.11). По замечанию С. М. Толстой, «в народном представлении судьба — это только два момента человеческой жизни, а именно брак и смерть, причём нередко содержание судьбы ограничивается именно этим последним, т. е. обстоятельствами и сроком смерти, как важнейшего события жизни» [Толстая 1994: 146]. Бог — распорядитель судьбы: «Наша жизнь дадена Богом и наша судьба начертана им» (Паршакова, 03.08.10); «хотелось бы дома помирать с вышним не поспоришь» (Паршакова, 10.10.2014); «что будет начертано её нужно прожить, обязательно знать заповеди Божии» (Паршакова, 03.08.10). Мысль о том, что человек и смерть как важнейшее событие его жизни находятся во власти Бога, прослеживается в словах: «каждый час одна дума, каждый час уход в небытие. как прикажет Бог. дело его рук» (Паршакова, 01.10.12). Собственная жизнь также оценивается в религиозном контексте: «Я уже старая мне надо жить для души. для тела много лет жила. а так-же вам желаю. я много жила дурной и озорной, сейчас уже бы надо быть скромной» (Паршакова, 03.08.10). Нарушение Божьих заповедей влечёт за собой наказание: «Вот и мучаюсь, если дал Бог значит я свои и чужие грехи должно отмоливать. и молится стало трудно» (Паршакова, 03.01.11).

Советы «как жить» представляют в письмах важный и самостоятельный смысловой блок (особенно развёрнут он в письмах старообрядки П. Т. Паршаковой): «Довольствуйтесь своей жизни пока молодые и свободные. что можно схватить из жизни тем будешь довольно воспоминаниях. я тоже была молодой, до единого лучшая всё осталось в памяти. это прекрасно. что жизнь прошла не напрасно. я желаю вам, что выбрали с детства своей намеченной путь, сохрани не сверни на кривую. Трудно выбрать попутчика жизни, скользкой порою бывает. но вы сейчас умное поколение, ошибатся не будите»

(Паршакова, 18.09.10). Повышенная дидактичность писем проявляется в том, что авторы с высоты прожитых лет дают советы не конкретно адресату писем, а всем молодым. Большую роль в их оформлении играют включения в текст наполненных мировоззренческим смыслом пословиц: «На грешной земле жизнь коротка, её нужно пройти с хорошей любовью и жизненной страстью. чтоб в глубоких годах можно было вспомнить только хорошее. <...> Жизнь прожить это не поле перейти её прожить нужно суметь. Как прекрасно жить ваши молодые годы, а как становится скучно когда поезд отходит, и годы уходят стуча, и нити отходят от сердца» (Паршакова, 03.01.2011). Приведённый фрагмент изобилует образными средствами: общеизвестное представление жизни как пути; севернорусское выражение *глубокие годы*, представляющие старость как нечто сокрытое, простирающееся вниз, на большую глубину; нити, символизирующие не только судьбу, но и связь с жизнью. Пожелание не упустить время жизни скрывается за трансформацией и метафорическим развёртыванием известного современного выражения *мой поезд ушёл* (обычно используемого для характеристики человека, упустившего возможность).

По замечанию М. Эпштейна, «доспециальная, низовая, наивная, фольклорная философия практически не подвергалась изучению» [Эпштейн 2009]. Рассмотренные деревенские письма являются ярким отражением наивных представлений носителя традиционной культуры о смысложизненных ценностях. Автор в них не просто склонен размышлять об экзистенциальных категориях (жизни и судьбе, времени, смерти). Проговаривая свои мысли, он обобщает факты прожитой жизни, художественно представляет свой жизненный опыт, стремясь передать его другим. Высказанные в письмах представления о смысле жизни, о смерти, судьбе, о Боге переданы с помощью традиционных образно-символических средств и имеют у разных авторов много общего.

Список информантов

Власова Наталья Ефимовна, 1933 г. р., с. Карсовой Базелинского района республики Удмуртия; письмо отправлено 04.10.12.

Еленец Лидия Александровна, 1940 г. р., с. Ножовка Частинского района; письмо отправлено 29.09.11.

Максимова Раиса Алексеевна, 1934 г. р., д. Адам Базезинского района республики Удмуртия; письмо отправлено 27.10.12.

Паршакова Парасковья Тимофеевна, 1931 г. р., д. Талавол Красновишерского района; письма отправлены 02.10.10, 03.08.10, 18.09.10, 03.01.11, 25.01.11, 01.10.12, 10.10.2014.

Пикулева Анна Максимовна, 1937 г. р., д. Пож Юрлинского района; письма отправлены 20.11.11, 02.11.11.

Рекутина Валентина Никаноровна, 1926 г. р., д. Лидино Октябрьского района; письма отправлены 12.01.10, 13.02.10, 11.01.11, 28.05.11, 19.09.11, 23.06.16.

Ромашова Любовь Фёдоровна, 1927 г. р., с. Ромаша Афанасьевского района Кировской области; письмо отправлено 22.10.11.

Харина Клавдия Ивановна, 1929 г. р., д. Московская Афанасьевского района Кировской области; письмо отправлено 24.10.10.

Список использованной литературы

Бердяев 1970 — Бердяев Н. А. Русская идея. Париж: YMCA Press, 1970. 258 с.

Борисов 2007 — Борисов С. В. Особенности наивного философствования как познавательной деятельности: перспективы исследования // Вестник Челябинского университета. 2007. С. 30–42.

Вавилова 2005 — Вавилова Л. В. Письменные источники реконструкции наивной языковой картины мира // Вестник РУДН, сер. Лингвистика, 2005, №7.

Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 33–88.

Галимова 2010 — Галимова Д. Н. Неконтролируемость жизни как одна из ключевых характеристик диалектной картины мира // Слово: фольклорно-диалектологический альманах, 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekontroliruemost-zhizni-kak-odna-iz-klyuchevyh-harakteristik-dialektnoy-kartiny-mira-1> (дата обращения: 30.04.18).

Дневник М. П. Сусловой 2007 — Дневник М. П. Сусловой (1981–1985 гг.): Публикация и исследование текста / отв. ред. И. И. Рушинова; Перм. ун-т. Пермь, 2007. 264 с.

Качинская 2016 — Качинская И. Б. Крестьянский дневник. Севернорусские говоры. Вып. 15. СПб., 2016. С. 315–343.

Королёва 2016 — Королёва С. Ю., Виноградова К. В. «Просто жизнь» коми-пермячки Клавдии Беренюк // Живая старина. 2016. № 4. С. 10–13.

Панченко 2005 — Панченко А. А. Образ старости в русской крестьянской культуре. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/obraz-starosti-v-russkoy-krestyanskoj-kulture> (дата обращения: 23.04.18).

Погребняк 2005 — Погребняк А. К. Культурно-языковое возрождение понятия Бог в русском сознании // Успехи современного естествознания. — 2005., № 2, С. 41–42. URL: <https://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=7992> (дата обращения: 20.04.18).

Поздеева 2011 — Поздеева Н. С. Место концепта «одиночество» в русской языковой картине мира. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. С. 95–98.

Разумова 2001 — Разумова И. А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/rasumova1.htm> (дата обращения: 26.04.18).

Рушинова 2002а — Рушинова И. И. и др. Речевой статус бытовых дневников М. П. Сусловой / И. И. Рушинова, А. В. Курникова // Изменяющийся языковой мир. Пермь, 2002. С. 252–259.

Рушинова 2002б — Рушинова И. И. Метеоформулы в бытовом дневнике диалектоносителя / И. И. Рушинова // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи: Сб. статей Всеросс. конф. Т. 3. Соликамск, 2002. С. 130–140.

Рушинова 2000 — Рушинова И. И. и др. Грамматические особенности дневниковых записей диалектоносителя / И. И. Рушинова, И. И. Вяткина // Словесность и современность. Пермь, 2000. С. 163–169.

Толстая 1994 — Толстая С. М. «Глаголы судьбы» и их корреляты в языке культуры // Понятие судьбы в контексте разных культур / Науч. совет по истории мировой культуры. — М.: Наука, 1994. 320 с.

Эпштейн 2009 — Эпштейн М. Н. Лирика сорванного сознания: народное любомудрие у Д. А. Пригова. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/10/ep23.html> (дата обращения: 09.05.18).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Свалова Е. Н. orcid.org/0000-0001-8181-808X

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего языкознания Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета:

Российская Федерация, 614045, г. Пермь, ул. Сибирская, 24;

Тел. +7 (342) 212-72-53; Тел. +7 904 845-13-49; e-mail: svalova87@mail.ru

NAIVE PHILOSOPHY IN VILLAGERS' PERSONAL LETTERS

EKATERINA N. SVALOVA

(Perm State Humanitarian-Pedagogical University:
24, Sibirskaya street, Perm, 614045, Russian Federation)

Summary. Naive views of traditional culture bearer concerning fortune, life, death and time are revealed in the article on the material of elderly country people letters. According to linguistic data, general patterns of naive-philosophical reflection are revealed, more often connected with such semantic blocks as fixation of everyday experience (economical activity and everyday life, life events), comprehension of God, sin and righteousness, description of one's physical and mental state. Direction of the authors' emotional sufferings and their symbolism expression are described, symbolism and different authors individual peculiarities are observed. Figurative-symbolic representation of key life-purpose concepts (destiny, humility in acceptance of life beyond control; home, homeland) is revealed in the analysis of linguistic forms of existential meanings and naive philosophical judgments transmission. Supposition, concerning the fact that personal letters of folk tradition bearers contain valuable linguistic material for clarifying peculiarities of dialectal picture of the world and peculiarities of traditional culture bearer worldview for understanding deep folk existential experience, is made. Bearers tradition appeal to writing, written speech helps the authors to a large extent to connect with each other diverse life material and individual emotional experience, giving them common order and meaning.

Keywords: naive philosophy, dialect picture of the world, figurative representation of existence, time and space.

Acknowledgements. The study is prepared according to Russian Foundation for Basic Research, project No. №18-412-590002 p_a "Funeral and memorial rites in the Russian tradition of the Northern and Southern Prikamye".

References

- Berdyayev N. A.** (1970) Russkaya ideya [Russian idea]. Paris: YMCA press. 1970. 258p.
- Borisov S. V.** (2007) Osobennosti naivnogo filosofstvovaniya kak poznavatel'noy deyatelnosti: perspektivy issledovaniya [Peculiarities of the naive philosophizing as cognitive activity: perspectives of research]. Vestnik Chelyabinskogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk University]. Pp. 30–42. In Russian.
- Vavilova L. V.** (2005) Pis'mennyye istochniki rekonstruktsii naivnoy yazykovoy kartiny mira [Written accounts of the reconstruction of the naive worldview]. Vestnik RUDN. Ser. Lingvistika [PFUR Bulletin. Linguistics]. 2005. №7. In Russian.
- Vezhbitskaya A.** (1996) Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. Moscow. Russian Dictionaries. 1996. Pp. 33–38.
- Galimova D. N.** (2010) Nekontroliruemost' zhizni kak odna iz klyuchevykh harakteristik dialektnoy kartiny mira [Uncontrollability of life as one of the key characteristics of the dialect worldview]. Slovo: fol'klorno-dialektologicheskii al'manah [Word: folklore-dialectological miscellany]. 2010. <https://cyberleninka.ru/article/n/nekontroli ruemost-zhizni-kak-odna-iz-klyuchevykh-harakteristik-dialektnoy-kartiny-mira-1> (access date: 30.04.18). In Russian.
- Dnevnik M. P. Suslovoy** (2007) *Dnevnik M. P. Suslovoy (1981 — 1985 gg): Publikatsiya i issledovanie teksta* [M. P. Suslova's diary (1981-1985): Release and analysis of the text]. Ed. I. I. Rusinova. Perm: Perm University. 2007. 264 p. In Russian.
- Kachinskaya I. B.** (2016) Krest'yanskiy dnevnik [Peasant's diary]. Severnorusskie govory [North Russian dialects]. Edition 15. Saint-Petersburg. 2016. Pp. 315–343. In Russian.
- Korolyova S. Y., Vinogradova K. V.** (2016) «Prosto zhizn'» komi-permyachki Klavdii Berenyuk [«Simple Life» of Komi-Permyak Klavdia Berenyuk]. Zhivaya starina [Living old times]. 2016. № 4. Pp. 10–13. In Russian.
- Panchenko A. A.** (2005) Obraz starosti v russkoy krest'yanskoy kulture [The image of the old age in the Russian peasant culture]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/obraz-starosti-v-russkoy-krest'yanskoy-kulture> (access date: 23.04.18). In Russian.
- Pogrebnyak A. K.** (2005) Kul'turno-yazykovoe vozrozhdenie ponyatiya Bog v russkom soznanii [Cultural-linguistic revival of the notion God in the Russian consciousness]. Uspehi sovremenogo estestvoznaniya [Success of modern natural sciences]. 2005. №2. Pp. 41–42. URL: <https://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=7992> (access date: 20.04.18). In Russian.

Pozdeeva N. S. (2011) Mesto kontsepta «odinochestvo» v russkoy yazykovoy kartine mira [The place of the concept «loneliness» in the Russian linguistic view of the world]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo univesiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the North (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and social sciences]. 2011. Pp. 95–98. In Russian.

Razumova I. A. (2001) — *Razumova Pis'mennye traditsii sovremennoy sem'i: problemy sobiraniya i izucheniya* [Writing traditions of a modern family: the problems of collecting and studying]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/rasumova1.htm> (access date: 26.04.18). In Russian.

Rusinova I. I. et al. (2002a) Rechevoy status bytovykh dnevnikov M. P. Suslovy [Speech status of M.P. Suslova's diaries]. I. I. Rusinova, A. V. Kurnikova *Izmenyayush'iyasya yazykovoy mir*. [Changing language world]. Perm. 2002. Pp. 252–259. In Russian.

Rusinova I. I. (2002b) Meteoformuly v bytovom dnevnike dialektonositelya [Meteo formulae in the everyday diary of a dialect speaker]. I.I. Rusinova *Lingvisticheskie i esteticheskie as-*

pekty analiza teksta i rechi: Sb. statey Vseross. konf. [Linguistic and aesthetic aspects of the text and speech analysis: Collection of articles of All-Russian conference]. Vol. 3. 2002. Pp. 130–140. In Russian.

Rusinova I. I. et al. 2000 — *Rusinova Grammaticheskie osobennosti dnevnikovykh zapisey dialektonositelya* [Grammatical peculiarities of the diary notes of a dialectal speaker]. I. I. Rusinova, I. I. Vyatkina *Slovesnost' i sovremennost'* [Philology and modern times]. Perm. 2000. Pp. 163–169. In Russian.

Tolstaya S. M. (1994) «Glagoly sud'by» i ih korrelyaty v yazyke kultury [«Verbs of destiny» and their correlates in the language of culture]. *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kultur / Nauchnyi sovet po istorii mirovoy kul'tury* [The notion of destiny in the context of different cultures / Academic council on the world culture history]. Moscow: Science. 1994. 320 p. In Russian.

Epshtein M. N. (2009) *Lirika sorvannogo soznaniya: narodnoe lyubomudrie u D. A. Prigova* [Lyrics of the broken consciousness: folk philosophy by D. A. Prigov]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/10/ep23.html> (access date: 09.05.18).

ABOUT THE AUTHOR

Svalova E. N. orcid.org/0000-0001-8181-808X

E-mail: svalova87@mail.ru

Tel. +7 904 845-13-49

Head teacher of the Department of General Linguistics

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

24, Sibirskaya street, Perm, 614045, Russian Federation
